

Зоя Журавлева

Требуется героиня

Журавлева З. Е.

Требуется героиня / З. Е. Журавлева —

Повесть об актерам нестоличного театра «Мне нравится влезать с головой в другие профессии. Но наслаждение, которое я испытала, забравшись в театр со служебного входа, пожалуй, острее всех впечатлений последних лет. О театре написано немало, но мы все равно почти ничего не знаем о повседневном актерском труде, мучительном и благородном. Как почти ничего не знаем о повседневном труде рядовых газетчиков, хотя все читают газеты и судят о них вкравь и вкось. По напряженности пульса между театром и газетой удивительно много общего. Поэтому наш Петрозаводский театр всегда будет для меня свят, как первая газета». З. Журавлева

Содержание

1	5
2	9
3	19
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Зоя Журавлева

Требуется героиня

Повесть об актерах нестоличного театра

1

Первый акт повторяли дважды, очень кстати. Второй раз Юрий даже успел попробовать еще один вариант. На секунду внутри блеснула свобода, как на хорошем, наезженном, десятом спектакле. Свобода хозяина положения, когда можешь все. И снова сорвался. Но что-то все-таки получилось. Хрупко, не удержать, сам не успел запомнить. Но что-то все-таки вышло. Наташа удивилась, чуть затянула паузу, чуть растянула реплику, как у нее всегда, если волнуется. И нашлась почти сразу. Подхватила. Юрий благодарно сжал ее руку, по мизансцене – все нормально. Наташины пальцы понимающе дрогнули.

– Дальше пошли! – крикнул Хуттер из зала.

Не остановил. Не остановил.

Пошли дальше. Второй акт начали почти чисто. Чистенько. Ничего. А если вот так? Ага, не зря все-таки бессонная ночь.

Теперь монолог Витимского. На этом и сели. Лягнулись. Витимский, как всегда, сказал текст своими словами, склероз все-таки или просто лень – даже интересно. Но Витимский – это не оправдание, просто Юрий сразу наврал, и все полетело. Просто тут пока дырка, тут непонятно. Самому непонятно, что же нужно, вся надежда на Хуттера.

– Повторяем со слов: «Я бы еще мог...»! – крикнул Хуттер.

Повторяем? И только?

Повторили. Нет, опять ложь. Только гладкая. Обманем себя и зрителя, на это техники хватит.

– Молодец! – крикнул Хуттер.

Кто-то молодец. Дальше. Теперь вот так. Немножко еще. Что-то опять стеснилось внутри – огромное, освободительное. И лопнуло, вдруг ослепив. Кажется, так. Рано обрадовался, опять не удержал...

– На сегодня хватит. – Хуттер взглянул на часы и сморщился. – Ого, заработались. Десять минут четвертого. Уже! К пяти тридцати – всем на фабрику.

Про фабрику Юрий успел забыть.

– Юрий Павлович, задержитесь, пожалуйста...

Юрий спрыгнул в зал. Подошел. Присел возле Хуттера, сдвинув с кресла сиротский чехол. В какой «уцененке» они раздобыли такой трогательно-сиротский?

Хуттер незряче ткнул в микрофон сигаретой, сказал:

– Любопытно.

– Я уж думал, совсем ничего не вышло, – сказал Юрий, сразу и сладко осовев от этого «любопытно», так бы тут и заснул сейчас в кресле. После приятного рабочего дня.

– Потому что я тебя ни разу не остановил?

– Ага, – сказал Юрий, нежась.

– Во второй картине ты, конечно, не дотянул. Нашел себе формочку и купаешься, это называется играть состояние. И в шестой сразу слишком серьезен, там серьезность только в конце. Тогда будет сильнее.

– Я там вообще не знаю... – начал Юрий с жаром.

Но Хуттер перебил быстро:

- А с Наташей ты здорово повернул. Вдруг высек чувство.
- Сам меня вчера натолкнул.
- Сам? Гм. Не совсем.
- Конечно. Я же сегодня подошел сбоку, как ты сказал. Поза неловкая, неестественный выверт шеи, мышцы идиотски напряжены. А Наташка от неожиданности вдруг не дышит. Стою, а она не дышит. И книга у нее вдруг далеко, какое, к черту, читает...
- Я заметил, – кивнул Хуттер.
- Прости, я же не объясняю. Просто себе, вслух. Я чувствую, что больше так уже стоять не могу. Физически не могу, мышцы не держат. И тут вдруг как понесло! И вроде получилось.
- И с директором есть теперь путь. Можно из него сделать...
- Витимский не делает. У него роль готова: научная величина со странностями, хоть сейчас на премьеру.
- Ты к нему несправедлив, – засмеялся Хуттер. – Помнишь, он делал грузина, с базара не вылезал, даже переписку вел с Поти. Нет, на первом этапе он ищет.
- Больно уж у него он быстро кончается, первый этап.
- Это, конечно, есть. Витимский копилку закрыл, ключик выбросил, и тут уж он работу закончил, не приставайте, Тут он, конечно, несовременен.
- Ладно, дело не в нем, – отмахнулся Юрий. – Я к тебе чуть в четыре ночи не притащился. Потом, думаю, может, чушь, просто решил попробовать.
- Не чушь, – сказал Хуттер. – Весьма любопытно. Только понимаешь, какая петрушка...
- Хуттер слегка замялся. – Просто это несколько не из той пьесы.
- Почему же? Это Чехова кощунственно углублять, там лишь бы самому дотянуться. А здесь, по-моему, в самый раз.
- Вот именно. Это же не Чехов, не Горький, не Лев Толстой.
- Неплохо бы нам к ним вернуться, – сказал Юрий. – На вторсырье мы слегка застряли, ты не находишь? С ними жить было как-то поинтересней, тонус в театре был. Может, пора?
- Это другой разговор, – усмехнулся Хуттер. – Пора, если есть идеи. Простым прочтением уже не отделаешься.
- Ага, – сказал Юрий, окончательно проснувшись. – А тут можно попросту, без особых идей. Но поднадоело.
- То, что ты выдал сегодня, уже идея. Хоть и сырая.
- Спасибо на добром слове, – засмеялся Юрий.
- Ты не дослушал. Это, конечно, интересно, но, повторяю, – из другого спектакля. Совсем другое решение, и мы на него сейчас, со сроками и со всем, просто не потянем.
- Придется поднатужиться, – сказал Юрий, еще не понимая.
- И не нужно сейчас нам тужиться. И при этой трактовке к тому же ты сразу всю пьесу гребешь на себя...
- Не гребу. Просто укрупняю героя.
- Это ему вредно, – сказал Хуттер. – И одновременно проваливаешь все остальные линии. Зачем же так укрупнять?
- Чтобы была, извиняюсь за хрестоматийность, личность. Он же у нас все-таки физик, а не дворник. И талантливый, как все вокруг говорят.
- А до премьеры-то десять дней, – напомнил Хуттер.
- Не понимаю, – сказал Юрий. – «Варшавскую» ты перелопатил за семь, когда вдруг увидел, и со скандалом отодвинул премьеру. Считал, что стоит свеч. Значит, ни черта сегодня не вышло, так и скажи, я же не режиссер. А при чем тут дни?
- Вышло, но не пойдет.

– Ты серьезно? – спросил Юрий. Тело ломило по всем измерениям: спать надо ночами – вот что. Кресла у них в театре бездарные, как в таком кресле наслаждаться искусством? Было бы чем наслаждаться.

– Нет, это несерьезно, – сказал Юрий.

– Вполне. Остановимся на старом рисунке. А это пока отложим на будущее, у нас еще все впереди.

– Значит, забыть, – сказал себе Юрий.

– Наоборот, запомнить. Мы к этому еще вернемся.

– Вернуться, конечно, можно. Еще никуда и не отошли, так что прямо ничего не стоит вернуться. Как скажешь, так и будет.

– Будет неплохо, – сказал Хуттер.

– Конечно, – сказал Юрий. – А на фабрику обязательно?

– На фабрику? Можно бы заменить, если б раньше. Все небось разбежались. Устал?

– Не с чего, – сказал Юрий. – У фабрики встретимся.

В гримборной Наташи уже не было, не дождалась. На всякий случай Юрий спустился в буфет. В буфете тоже была пустота. Только за крайним столом кассирша Сима Никитична торопливо доедала салат, фирменное актерское блюдо.

Буфетчица, выдавая из толстого бачка остатки кофе, радостно сообщила Юрию:

– Завтра палтус будет. Холодного копчения, еле выпросила в торге. Наташе передай, не забудешь?

Это она любила в своей профессии. Копченый окунь достать, или постную грудинку, или растворимый кофе в сверкающих банках, совсем уж невероятное дело. Сбиться с ног, а достать, порадовать актеров, не приспособленный к жизни люд.

– Обязательно передам.

– Это не ты пять рублей до получки брал? – спросила буфетчица.

– Не я, – засмеялся Юрий.

Когда Юрий впервые появился в актерском буфете, только-только приехав в город, она встретила его точно таким же вопросом: «Это не ты до получки брал? Нет? Значит, не ты! А похож, такой же высокий, из себя черный». Юрий тогда даже несколько растерялся, но тут дружно вступилась вся очередь: «Это же новый! Володька брал. Из оркестра...» – «Володька так Володька», – с удовольствием согласилась буфетчица.

Буфетчица у них уникальная. Всем дает в долг, всех кормит в кредит. Записывает где-то там на бумажках и сразу теряет. Первое время Юрию все казалось, что вот-вот она вылетит в трубу. Но буфетчица уже давно работала, много лет. Не вылетела. Как-то у нее в общем сходилось, дебет с кредитом. Хотя рассчитывать она могла только на совесть, когда теряла свои бумажки. Теперь Юрию уже даже приятно было смотреть на эту буфетчицу, которая все забывает. Видеть ее на посту. Всегда веселую. Как незыблемое свидетельство их общей честности. Как доказательство порядочности родимого коллектива.

– Яйцо, может, сварить? – еще сказала буфетчица. – Быстро!

Но Юрий уже выскочил в коридор. В раздевалке тоже никого не было, пальто сиротливо болталось на пустой вешалке. По привычке Юрий еще пробежал глазами доску приказов и расписание. Нового ничего. Выходной завтра, слава богу, не отменили, на этот счет никогда нельзя быть уверенным. Нет, не отменили.

Одеваясь, Юрий привычно слушал, как дежурная, баба Софа, рассказывала пожарнику:

– Сейчас на дежурство иду и батюшка встречу. Благословил. А меня и ожги, как сковородой: в проклятое ж место иду!...

Тоже фигура у них в театре эта баба Софа. Рябая и бескомпромиссная. Дежурная при служебной двери и при телефоне.

Входившим с улицы она говорила бандитским голосом: «Ноги, ноги вытирай! Не в лавку пришел!» Когда с ней прощались, она говорила: «Ладно», или «Чего там!» И взмахивала рукой, будто отпускала актерам многочисленные грехи. Баба Софа была богомольна, лично знакома с самим батюшкой, единственным на весь город, каждый день ходила в церковь. Театр баба Софа считала проклятым местом и не уставала отмаливать свою там работу. Работала она в театре давно, дольше всех, всегда. Директора помнила еще сопляком бесштаннм и каждую премьеру с пристрастием смотрела из директорской ложи. А когда спрашивали про впечатление, быстро крестилась и говорила только: «Гореть будем! Огнем будем гореть!» Но во время спектакля часто смеялась толстым бандитским смехом, и директор грозил ей пальцем через плечо – кого другого давно бы из ложи выгнал.

– Наташа мне ничего не передавала? – на всякий случай спросил Юрий.

– А чего ей передавать? – сразу переключилась баба Софа. – Пождала да пошла. С Морско-вым под ручку пошла. Еще засмеялась: «Счастливо, – говорит, – баба Софа...»

– Спасибо, – сказал Юрий.

– Наташа с Морсковым пошла, а тебе как раз тут звонила женщина. Голос такой приятный, – баба Софа поискала слово и нашла, – приятный, женский. Увидеться, что ли, ей надо с тобой. Она, что ли, придет. Либо ты придешь, я даже не помню.

Вот так баба Софа всегда, через нее только передавать.

– Какая женщина? Вы не спросили?

– Мне чего спрашивать, – отмахнулась баба Софа. – Она имя сказала, да мне ни к чему. Таня как будто. Или, может, Люда.

– Лена? – сказал Юрий.

И все в нем остановилось. Лена ему в театр никогда не звонила, за все эти годы – ни разу. Только, конечно, с Борькой. Спокойней, спокойнсей. Если бы что-нибудь важное, если бы с Борькой, она бы его нашла. Просто так она бы не позвонила...

– Лена, – важно кивнула баба Софа. – Лена и есть.

2

Перед фабрикой была толпа, прямо давка. Юрий едва пробился, пришлось приложить силу. Застучал в дверь.

– Открывай, дядя!

Вахтер, театральную хилоту которого только подчеркивал просторный ватник, делал за стеклом вид, будто читает газету. При напряженности момента и сумеречном свете в дежурке занятие это было явной липой и вызовом. Бутафорская газета ерзнула в щуплых пальцах, но сам вахтер даже не повернул головы.

Парни, сгрудившиеся кругом, хором объясняли:

– Не требуемся!

– Они себе солдат навезли. Шефов с голенищами.

Видимо, осада проходной длилась уже давно, потому что в лагере осаждающих уже чувствовался разброд.

– Может, к дорожникам в техникум, а?

– Там тоже по билетам...

– А если у меня тут невеста? – весело спросил кто-то прямо в затылок Юрию.

Щуплый вахтер отбросил газету и вдруг гаркнул через стекло крутым, как кипятком, голосом:

– Баба чугунная тебе невеста! Сказано – закрытый вечер.

Позавидуешь темпераменту. В хилом-то теле.

Рядом бесшумно возник Хуттер. Плотный, даже толстый для своих сорока двух, он легко двигался в любой толпе. Стекла пенсне лихо взблескивали на крепком носу. Есть в Хуттере располагающая определенность. Лоб над пенсне казался сейчас особенно широким и крестьянским. Это сам Хуттер любил повторять: «За моим широким крестьянским лбом...»

Пенсне присунулось к самому стеклу, дружелюбно блеснуло вахтеру.

– Тут нас где-то ждут, – негромко сказал Хуттер.

Щуплый вахтер напряжился, но не успел плеснуть кипятку.

– Ой! – весело пискнуло в глубине дежурки. – Это ж артисты!

Крюк крикнул, нехотя отпуская дверь.

Бдительный вахтер все-таки сосчитал всех по головам, сверяясь с руководящей бумажкой. Юрий посторонился, пропуская своих. Вошел за Наташей, последним.

Крупная девушка с очень узким тазом, в желтой девчоночьей кофточке, повела их по коридору, говоря без умолку:

– Ой, а мы без вас даже не начинаем. Все собрались и ждем. Мы же для всех на целый час раньше назначили, чтобы вам не ждать. А они как раз вовремя собрались, как нарочно... А я вас сразу узнала, – это уже персонально Хуттеру. – Один раз по телевизору видала и сразу, конечно, узнала. Я лица исключительно запоминаю! Меня специально в дежурке поставили, чтобы сразу узнать... Ой, а вас я ни за что не узнала! – Юрий даже вздрогнул – это, оказывается, уже ему. – Я же вас в бороде видала, пьеса – забыла как называется. Вы еще в экспедиции были, а потом приехали в бороде. Мы как раз все смотрели, по плану...

Юрий невольно улыбнулся. Пьеска была смешная, без претензий, и работать в ней было весело, как в капустнике. Борода только мешала, эту бороду Юрий чуть не потерял на премьере, отклеилась.

Он еще улыбался, а девушка вдруг посерьезнела, поправила желтую кофту, остановилась и сообщила почти строго:

– Со всеми вопросами можете обращаться ко мне. Я к вам сегодня прикреплена от комитета...

Общественница. «Прикреплена» – такие слова Юрий переносил трудно.

Но девушка уже утомилась официозом и закончила весело:

– Ой, я же даже фамилию не сказала! Зовите просто Галя.

– Очень приятно, – сказал за всех вежливый Хуттер.

Галя долго вела их куда-то широким коридором. Обильная цифирь на стенах усиливала его казенность. В нумерованные двери шмыгали девчонки с охалками пальто, косо и быстро взглядывая на Галю. Галя пресекала любопытство прямым, останавливающим взглядом. Как ей лестно вести: актеры все-таки. Гм, понятно.

Проходная уже давно осталась позади, но оттуда все еще доносились шквальные вскрики осаждающих и крутой голос вахтера. Судя по всему, ему приходилось нелегко.

– И всегда на вас такой спрос? – улыбнулся Хуттер.

– Это с механического парни, соседи, – сразу поняла Галя. – Думают, может, буфет. – И добавила по справедливости: – Воскресенье же! Деваться тоже куда-то надо. А мы как раз воинов пригласили, шефов. Зал маленький, не вмещает.

Поднялись еще по лестнице. Галя открыла дверь.

– Раздевайтесь, пожалуйста. Прямо на столы можно, если гвоздей не хватит.

Комната, щедро уставленная шкафами, была дочиста прибрана. Папки со всех столов аккуратно сложены на окне. Даже чернильницы собраны вместе. На маленьком, с табуретку, сейфе сидела девушка, бледная, как моль. Девушка стесненно поднялась, когда они вошли, и неловко застыла.

– Архипова, – сказала ей Галя, – рздень товарищей и смтри! чтоб никуда из комнаты!

От твердых Галиных согласных явственно запахло субординацией, это уже чересчур. Архипова молча кивнула.

– Смтри! – еще раз сказала Галя.

Наташа, с облегчением сбрасывая шубу, улыбнулась Архиповой:

– Чуть подмажемся, да? Наведем красоту...

Но Архипова не вышла из роли бессловесного стража, даже не улыбнулась. Она молча достала из шкафа зеркало и поставила перед Наташей.

– У нас все продумано, – засмеялась Галя.

Хуттер все-таки еще попытался вовлечь Архипову в разговор:

– Как у вас тут уютно! – И даже руки потер: как тепло, как хорошо, как по-домашнему. И пенсне его располагающе блеснуло на крепком носу.

Но Архипова промолчала, а Галя ответила гордо:

– Мы же с утра готовились...

Только когда все уже собрались идти в зал, Архипова тихонько потянула начальственную Галю за желтую кофту:

– Галь, а кто за линоль отвечает?

И Галя сказала с порога громко и весело:

– Это не твое дело. Ты тут смтри. А за линоль Вербицкая отвечает, она в курсе.

Тогда уже Юрий не выдержал.

– Пойдемте с нами, – сказал он бледной Архиповой. – Правда, пойдемте! Чего тут весь вечер сидеть? Ну, кто эти шмотки тронет, что вы, ей-богу?

– Конечно, – поддержал Хуттер. – Можно в конце концов просто запереть дверь. Идемте!

Архипова покраснела и даже сделала было несколько живых движений. Но тут же снова увяла. Потому что Галя, категорическим взглядом удерживая ее на посту, сказала строго:

– Нет. Она же дежурная. Ее же выделили.

– Тогда я тоже останусь, – сказал Юрий.

Архипова смешно испугалась. Всплеснула руками и застыла.

А правда, ужасно вдруг захотелось остаться в этой комнате. Оседлать маленький сейф, как табуретку. Закурить, скидывая пепел в старую непроливайку. Рассказать этой вялой девчонке, Архиповой, что-нибудь смешное. Чтобы забыла, наконец, про нелепую свою ответственность за чужие пальто. Чтобы выпрямилась. Засмеялась в открытую. Громко. Прямо чтобы помирала со смеха. Чтобы Юрий услышал, наконец, ее человеческий голос.

И себе заодно настроение бы исправить. За компанию. Вернуть себе старый рисунок роли и успокоиться – чего проще.

Но еще этот звонок Лены. Никогда в театр не звонила, и вдруг – звонок...

– В другой раз как-нибудь, Юрий Павлович, – весело сказал Хуттер, переводя дело в шутку. А между тем, цепко ухватив Юрия за локоть, уже выводил его из комнаты.

Пришлось подчиниться.

В зале уже было тесно. Но как-то до странности пусто в то же время. Сразу не поймешь даже отчего. Видимо, ощущение пустоты возникало от разобщенности. Девушки, которых было тут огромное большинство, табунились замкнутыми группками. Редко кто вольно переходил из одной в другую. В группках стесненно прыскали. Пристрастно оглядывали входящих в зал. Свободного разговора не было слышно, только глухое шушуканье. Как за спиной. Когда в дальнем углу кто-то громко засмеялся, многие головы повернулись туда, как показалось Юрию, удивленно. Будто смех на вечере отдыха был непонятной бестактностью.

– Это что же они? По цеховым интересам? – шепнул он Наташе.

– Так всегда вначале бывает, – пожалла плечами Наташа. – Потом разойдутся.

– Не похоже, – сказал Юрий.

– Ты просто уже забыл, как это бывает...

Тут к ним подскочила Галя, прикрепленная, видимо, намертво. Она сняла свою желтую кофту, отчего плечи ее раздались шире, а таз стал еще уже.

Наташа заговорила с Галей с той ласковой снисходительностью, которую Юрий узнавал мгновенно и прямо терпеть не мог. Так Наташа говорила с женщинами, которых мысленно и навечно зачисляла в разряд убогих. Это по меньшей мере невеликодушно. Хотя сейчас, рядом с прикрепленной Галей, Наташа выглядела контрастно, ничего не скажешь. И свитер плавно стекал с ее плеч, струился. Хоть и был толстым, нарочито грубым. И приглашенные воины уже оглядывались. Нельзя сказать, чтобы это было Юрию неприятно.

– Понимаете, Галочка... – задушевно говорила Наташа.

– Будь хоть на пол-лаптя выше, – негромко сказал Юрий.

– Выше чего? – со стороны можно было подумать, что она действительно не расслышала.

– Себя, – уточнил Юрий, отходя быстрым ходом.

Но он еще услышал вдогонку:

– Какой он у вас чудной!...

Бесцельно помотавшись по залу и всюду чувствуя себя отчаянно чужим, Юрий примкнул, наконец, к группе Хуттера. Хуттер, конечно, не терял времени даром. Окруженный новобранцами в аккуратных подворотничках, он выяснял драматургические симпатии Вооруженных Сил. Чтобы на ближайшем худсовете можно было небрежно бросить: «Вот недавно на швейной фабрике я как раз на эту тему беседовал с молодыми воинами...» У директора, начисто лишённого какого бы то ни было дара общения, в таких случаях сразу бессильно отвисает челюсть, и репертуарная политика Хуттера получает единогласную поддержку.

– Так что же вы все-таки имеете против Брехта? – с удивлением услышал Юрий напористый голос Хуттера.

Ого, значит, дошли уже до Брехта. Оппонент Хуттера, типовой мальчик из интеллигентной семьи, явно затруднился.

– Может, просто сложно? – напирал Хуттер.

– Я бы сказал иначе... – начал оппонент, но опять запутался и ничего связного не сказал.

– Может, просто непривычно? – уточнил Хуттер.

– Мне кажется... – начал было розовый оппонент.

– А чего там «кажется», Гринь, – вдруг сказал басом его сосед, какой-то четырехугольный парень, самый замшелый из всех. Юрий бы голову прозакладывал, что такому увальню лишь бы крутить ручку от трактора, уж никак не Брехтом мозги засорять. – А чего там сложного! Хотя непривычно, конечно, – тут парень сдавленно хмыкнул, будто мяукнул бенгальский тигр. – У вашего Брехта одни проститутки...

– Как будто других профессий нет, – вдруг неожиданно для себя выпалил розовый оппонент.

Тут все разом грохнули. А Хуттер, тот даже присел от смеха. Это был первый взрыв настоящего веселья на вечере. Такой заразительный, искренний взрыв, что народ сразу потянулся сюда со всего зала. И что-то теплое, настоящее, теперь непременно наладилось бы – это по глазам было видно. Сразу вдруг появились глаза. Раньше были стриженные затылки, челочки, начесы и виртуозные патлы, а теперь вдруг в открытую заблестели глаза. Распахнулись, зажглись и заблестели.

Но тут как раз подплыла административная фигура. В черном костюме. С высоким бюстом. На очень высоком бюсте нескромно и со значением сидел крупный комсомольский значок. Юрию никогда еще не приходилось видеть, чтобы простой, хороший, с детства знакомый значок сидел так вызывающе нескромно.

– Начинаем, товарищи! – сказала фигура, игнорируя общее веселье замкнутым выражением очень правильного лица. – Прошу садиться. Артистов попрошу пройти в президиум.

– Может, лучше пока в зале? – весело, по инерции, сказал Хуттер. – Мы уж тут вместе сядем, с новыми друзьями.

Но друзья уже как-то растеклись по залу. А фигура вежливо выслушала Хуттера, вежливо улыbnулась и объяснила:

– Своих гостей мы бы хотели видеть в президиуме...

Потом крепко сдарила руку Хуттеру, сразу за ним – Юрию, значок мелькнул где-то совсем рядом, в непозволительной близости, и она представилась:

– Сбоева, культсектор.

– Бронебойная женщина, – задумчиво подытожил Хуттер, влезая на сцену по шаткой лесенке. – Я прямо боюсь за себя.

Стол президиума был обыденно шероховат. Юрий с удовольствием погладил его рукой, пока не видит никто. За таким приятно сидеть. Простой избяной стол на одну большую семью. Или что-нибудь вроде. Но тут Юрия очень вежливо попросили посторониться, и ловкие девушки тут же, на глазах, упаковали стол в потертую суконность. Это сразу стал совсем другой стол, за которым надо сидеть очень прямо и смотреть только вперед. И сверху, по скатерти, сразу обильно взошли графины с водой.

– Вот теперь можно. Садитесь, товарищи!

Сзади, в глубине сцены, крупные буквы напоминали присутствующим, что все в них должно быть прекрасно. И тело, и мысли, и платье. Слишком велика наша любовь к Чехову, чтобы размениваться на лозунги в каждом клубе. Юрий сел, чувствуя Чехова даже спиной. Было горячо и неудобно – не то за себя, не то за Чехова.

Пока рассаживались, Хуттер переживал взхлеб:

– Нет, ты слышал, Юрий Павлыч?! Утилитарны и чисты – вот в чем разгадка. Даже не подумаешь, как чисты. Снегири! Небось три раза на день своей пионерочке пишут и рядом с ней, на одном ряду, стесняются Брехта смотреть, как бы чего не подумала. Мини-рыцари с десятилеткой!

Чтобы умерить чрезмерный энтузиазм Хуттера, Юрий сказал:

– И я служил – не болваны были. Мы там, в своем драмкружке, такую «Оптимистическую» выдали – адмиралы рыдали.

– Ты! – восхитился Хуттер. – Ты же где служил?!

– На флоте, – с удовольствием уточнил Юрий.

– У вас же элита была. А тут простые парни.

– И тут – не стройбат.

– Брехт им, конечно, труден по форме... – опять начал Хуттер и вдруг сказал без всякого перехода: – Я последнее время об «Освобожденном Дон-Кихоте» подумываю. Есть вроде один поворот, еще до конца не знаю. Это к нашему разговору.

– И о «Живом трупе». И о «Короле Лире». Слишком много названий, о которых мы вроде бы думаем. Только в афишах ни одного этого нет почему-то.

– А ты не нервничай, – сказал Хуттер.

Тут з разговор вклинился громкий шепот заслуженного артиста Витимского:

– Боюсь, что мой репертуар не слишком подходит для этой аудитории.

Он даже фотографии друзьям так подписывал: «заслуженный артист Витимский», вместо имени-отчества. Когда два сезона назад Витимского выдвинули на звание и директор, в порыве крайнего демократизма, вынес этот вопрос на худсовет, Юрий воздержался при голосовании. Худсовет, по сути, ничего тогда не решал, но этот худсовет Витимский с тех пор не забывал Юрию ни на минуту.

– Этой молодежи желательно что-нибудь попроще, – драматически уточнил Витимский. Взгляд его исполнился пронзительной рачьей печалью. Детей у Витимского не было, но он всегда искренне скорбел о молодом поколении.

– Ошибаетесь, Леонид Всеволодович, – весело сказал Хуттер. – Это народ подкованный. Мы с ними как раз только что беседовали о Брехте. Очень компетентно беседовали, вот Юрий Павлович не даст соврать.

– А я все-таки боюсь, что все эти частые выбросы на предприятия – очередная авантюра дирекции в ущерб творческому лицу театра.

– А вы не бойтесь, – не выдержал Юрий. Получилось грубо.

И подумал, что ничего хорошего у него не выйдет на этом вечере. Просто он не в состоянии сегодня взять на себя этот зал. Поднять его высоко и светло. И самому подняться до Паустовского, которого он собирался читать. И вызвать в себе и в них высшую человеческую сродненность, когда вдруг отступают все мелочи и весь мир чувствуешь голубым. Большим домом, где ты за каждого готов отдать жизнь, и за тебя – каждый.

Но сегодня ничего не получится, понял Юрий. И к аудитории это, во всяком случае, не имеет ни малейшего отношения.

Между тем Сбоева, торжественно дыша бюстом, уже стояла на трибуне. Трибуна под ней казалась просто детским стульчиком. Сбоева строго смотрела в зал и ждала. Под взглядом ее зал послушно затих. Тогда Сбоева сказала:

– Попрошу товарищей побыстрее занять передние ряды.

Несколько первых рядов действительно пустовало. И в конце зала, в дверях и вдоль стенок даже стояли. И сидели сзади тесно, как воробьи на проводах. Ежась, охорашиваясь в тесноте, но не в обиде, и еще плотнее прижимаясь друг к другу.

– Я жду, товарищи, – строго сказала Сбоева.

Но товарищи толкали друг друга в бок, пересмеивались втихомолку и отводили глаза от сцены. Потом одна фигура, наконец, поднялась, отделилась от масс, процокала каблукочками по проходу и уселась в первом ряду, заняв едва полкресла. Это была Галя. Осталось только тайной – проявила ли она личную инициативу или просто выполнила очередное поручение. Пример ее так и не заразил никого.

– Девушки, мы же вас ждем, – уже человеческим голосом почти попросила Сбоева. Видимо, она не привыкла отступать даже в мелочах.

– Вот воспитали собраниями, – шепнул Юрию Хуттер. – Привыкли, что надо подальше и носом в книжку, чтоб время не пропадало.

– Боюсь только, что не в книжку...

Шепот заслуженного артиста Витимского неожиданно громко прозвучал в застоявшейся тишине. Витимский смутился и шумно полез в карман за платком, двигая стулом.

Сбоева на трибуне трудно вздохнула.

– Ну, хорошо. Начнем. – Она набрала полный бюст воздуха и сообщила без пауз: – Сегодня мы с вами проводим первое заседание Клуба девушек, организованного на нашей фабрике по инициативе комитета ВЛКСМ.

– Ого! – присвистнул Хуттер. – Оказывается, клуб...

– Оказывается, заседание, – поправил Юрий.

– А я ее знаю, – шепотом объявила Наташа, пока Сбоева объясняла задачи клуба. – Я с ней как-то в кафе за один столик попала. Запомнила по значку. Она долго второе выбирала, потом говорит официантке: «Ну, этот вопрос мы с вами согласовали». Это про азу по-татарски из свинины.

– Типаж, – засмеялся Хуттер. – Вот попробуй – сыграй.

– Современного бюрократа трудно сыграть, – вдруг подал голос Петя Бризак, он первый сезон работал в театре после ГИТИСа и все больше молчал, его уже как-то привыкли не замечать в компании. – Сразу будет шарж на действительность.

– А ты не переживай, – сказала Наташа. – И почему сразу уже обязательно «бюрократа»? Откуда ты знаешь? Может, она двоих детей из детдома взяла и вообще к ней вся фабрика с секретами бежит...

– А как же азу? – хитро вставил Хуттер.

– Клуб будет помогать вам, дорогие девушки, воспитывать в вас вкусы эстетики, – строго объявила с трибуны Сбоева.

– Нет, она просто смешная, – сказала Наташа.

– Если с ней не работать, – мрачно уточнил Юрий, не в силах больше молча бороться со своим настроением. Сбоева чем дальше, тем больше вносила свою лепту.

– Ах, посмотрите на него, он взвалил на себя все тяготы мира, – пошутила Наташа с некоторой натугой.

– Так, Юрий Павлович, жить нельзя. Надорветесь, – сказал Хуттер с намеком. – Наше дело актерское...

– Ага, – кивнул Юрий.

Сбоева между тем под плотный аплодисмент уступила трибуну представительнице чего-то, – Юрий не расслышал. С нерастраченными еще силами представительница ринулась доказывать пользу и значение Клуба девушек.

– Первого в нашем городе! – подчеркнула она. Зал, привычный к длинному вступлению перед

танцами, внимал ей с вежливым безразличием. Предприимчивые парни курили на лестнице. Девушки, остро взглядывая по сторонам, доставали из новых туфель не приученные к модельному ноги и тихонько разминали их под скамейкой. Подруги из предпоследнего ряда уже сосчитали, сколько «о» на призыве: «В человеке все должно быть прекрасно». И теперь подсчитывали на время букву «е». Они были спортсменами и всегда играли на время, даже в «балду»,

Сбоева, разгоряченная многотрудным началом вечера и счастливая, что все идет, как надо, притащила стул из-за сцены и втиснула его рядом с Хуттером. Она хотела как-нибудь

потом подойти к режиссеру, после торжественной части. Но деятельный зуд разрывал ее изнутри.

– Простите, – зашептала она Хуттеру, – я с вами как раз, знаете, о чем хотела поговорить...

Хуттер не знал и покачал головой, ненарочно косясь на слишком близкий и пышный значок.

– У нас есть одна девушка в самодеятельности, – четко шептала ему Сбоева, – Лидия Яценко. Она так стихи читает! Главный бухгалтер прямо плакал на вечере, как она читает. Слезами. Мы думаем, она – настоящий самородок...

– Очень может быть, – осторожно начал Хуттер, не зная еще, куда повернет разговор. В общем-то он привык, что на каждом предприятии его угощают самородками.

– Вы думаете, мы не понимаем, – вдруг обиделась Сбоева. – Мы сами, конечно, не понимаем, но к нам осенью эстрада настоящая приезжала, из Москвы. Один такой, Барсов фамилия, так прямо и сказал, что ей место в профессиональном театре.

Она с детским удовольствием выговорила: «профессиональный», цитируя, видимо, дословно. И в сбивчивом ее шепоте Юрий вдруг почувствовал настоящий жар и кровную заинтересованность *т.* судьбе незнакомой Лидии Яценко. Может, Наташа даже права. Только все-таки не нужно бы Сбоевой в руководители.

– Видите ли, – осторожно сказал Хуттер. – У драмы и у эстрады несколько разные задачи...

– Мы только хотели попросить, от всего коллектива, – может, вы послушаете ее?!

– Когда? Сейчас?

– Нет, нет, – почти испугалась Сбоева. – Ее сейчас даже нет. Она, конечно, знала, что собираемся говорить, и не пришла даже на вечер. Стесняется.

– А что она читает? – уже по-деловому спросил Хуттер.

– Все, – гордо сообщила Сбоева. – Константина Симонова, Щипачева читает, потом... этого... Мартынова, кажется...

По заминке ее с репертуаром Яценко было видно, что они не близкие подруги. Совсем даже не подруги. Хуттер помолчал. Потом сказал как решенное:

– Хорошо. Пусть зайдет в театр завтра к пяти. Мы как раз будем прослушивать молодежь, которая метит на театральный.

– Там у вас, наверное... – опять испугалась Сбоева.

– Да нет, – улыбнулся Хуттер. – Там у нас отовсюду. Из области. Просто для знакомства.

– Спасибо, – расцвела Сбоева. – От всего коллектива.

– Пожалуйста, всему коллективу...

Но Сбоева шутки не поняла и заторопилась: ей уже давно мигали с другого конца стола, от трибуны. Звали, конечно, по делу. Она переехала туда вместе со стулом.

– Вы неутомимый ловец талантов, – шепнул Хуттеру Юрий.

– А как же? – засмеялся Хуттер. – Тебя же вот поймал.

– Но не в самодеятельности...

– У вас там почище вампука была, – сказал Хуттер.

Они с Юрием любили вспоминать свое роковое знакомство.

Юрий был тогда на гастролях в Симферополе. И давали они в тот вечер последний спектакль. Какую-то очередную стряпуху. Юрий был хорош: крутой чуб на сторону и полкило носа – так у них тогда понималась характерность.

Он задержался после спектакля и уже один сидел в гримуборной. Дверь открылась, и без стука вошел человек. Ковбойка и очень пестрые носки. На простоватое широкое лицо ловко насажено хитрое пенсне. Плечи так и лезут из ковбойки. Не то самбист в отставке, не то

старший товаровед центрального «Гастронома», еще не отсидевший. Юрий наблюдал за ним в тройное зеркало и сразу определил пришельца как «пыльного мужичка».

Мужичок сделал шаг от двери, согнулся и вдруг захохотал. Он хохотал, гнулсЯ и тыкал в Юрия пальцем. И сквозь хохот приговаривал: «Нет, ты все-таки индивид! Нет, ты индивид, сознайся! Нет, ты можешь!» Юрий сначала хотел выставить мужичка вон, а потом и сам захохотал. Настроение у него последнее время было паршивое и как-то давно не хохоталось. «А что? Индивид!» – сознался, наконец, Юрий. Тогда мужичок вдруг перестал ржать, как воды в рот набрал, и принялся сверлить Юрия цепким глазом из-под пенсне. Просверлил насквозь и сказал:

– Я вас приглашаю в дело.

– А с кем имею честь? – поинтересовался Юрий.

– Виктор Иванович Хуттер, – сказал пыльный мужичок.

– Хуттер? – переспросил Юрий, это ему ничего не прояснило.

– Русский, хоть и маскируюсь под национальное меньшинство. Если вы, конечно, про это.

– Конечно, нет, – сказал Юрий.

– Я так и думал. Так как же?

– А что за дело?

Тут Хуттер назвал город. Город был бесславный. И театр. Театр был прямо поганный, об этом театре Юрий сроду не слышал доброго слова. И то и другое он немедленно изложил вслух.

– За прошлое не отвечаю, – сказал Хуттер. – Меня там до сего времени не было.

– Люблю скромных, – сказал Юрий. И согласился. Только еще счел нужным сказать: – Между прочим, у меня спецобразование нет.

– Отлично, – сказал Хуттер. – Зато у меня два института. Один уступаю, пожалуйста.

Шесть лет они там проработали. Тот театр Хуттер действительно вытащил. А потом перебрался сюда – помасштабнее и к центрам поближе. И Юрий за ним перебрался. Хоть были у него основания сюда не рваться. Или, наоборот, мчаться сюда сломя голову. Но это уже другой разговор, вполне личный.

«Мне что в тебе больше всего понравилось? – любил вспоминать первую встречу Хуттер. – Как ты текст с отвращением произносишь! Он, главное, твой, ты же в нем органично, другого тебе не дано. Но с каким великолепным отвращением! Как, знаешь, бывает: да, признаю – паскуда я, бяка! А себя – бяку, паскуду – люблю и ни на кого не променяю! Такое было в тебе самовлюбленное отвращение...»

Текст, верно, был скверный, сейчас зубы сводит, как вспомнишь. А внутренне оправдать надо любой текст, иначе попросту не сыграть. Любой текст, любую роль, любую пьесу, если уж за нее взялся. Вот именно, «самовлюбленное отвращение», все точно.

– Нам с тобой, слава богу, есть что вспомнить, – весело сказал Хуттер. И даже легонько толкнул Юрия локтем, не толкнул – понимающе тронул, как в лучшие времена. Сейчас это был почти запрещенный прием. Этим он все испортил.

– Есть, – согласился Юрий. – Только не слишком ли много у нас набралось общих воспоминаний? Как у стариков. Не слишком ли мы им предаемся?

– Как прикажете понимать? – насторожился Хуттер.

– Никак, конечно, – вяло улыбнулся Юрий.

– Тише, – попросила Наташа. – Кажется, нечто новое...

Сбоева как раз предоставила слово дорогой гостье, доценту пединститута, завкафедрой педагогики.

Доцент оказалась пожилой, очень свежей женщиной. Из тех, что набирают красоту к старости. Бывают такие удивительные женские лица с правильными в старости и одухотворенными чертами, о которых невольно думаешь: «Вот была когда-то красавица», но сверстники

помнят их невыразительными дурнушками. Эти женщины любят говорить о быстротечности молодости, и в них чувствуется редкое наслаждение своей осенью.

Доцент красиво объяснила залу, не забывая и президиум, почему звание «слабый пол» никого не роняет, а наоборот...

– Вспотел, кивая, – шепнул смешливый Хуттер.

Когда доцент заговорила о «девичьей гордости»,

у нее вдруг сделалось такое гордое выражение, что оно само по себе уже служило лучшей иллюстрацией к тезису.

Меньше всего Юрий думал, что его доконает доцент.

– Каждой девушке свойственно стараться быть красивой, и сейчас, в этом зале, я вижу эти ваши стремления, – тут она тонко, с высшим пониманием улыбнулась. – Не всегда удачные, но во всяком случае – искренние...

Юрий вздрогнул и опустил глаза, чувствуя, как щека у него постепенно вспухает от этой пощечины, рассчитанной всему залу.

Парни в рядах сдавленно гмыкнули и закосили мимо девчонок. И заерзали, одолевая вдруг подступившую к горлу неловкость. Не понимая, откуда она. В молодости вообще трудно объясняется ощущение внутренней неловкости, а испытывается – мучительно и часто.

Девчонки неестественно застыли.

Будто ты идешь солнечной улицей навстречу людям. Молодая. Изящная. Тонкая. Новая юбка стоит на тебе голубым колокольчиком. Плечи твои легки и прекрасны. Ноги твои неустанны и каблук небрежно откинут назад, как требует мода. И всем радостно на тебя смотреть, ты это знаешь. И вдруг кто-то толкает тебя плечом и роняет сквозь зубы: «Двинься, корова! Ишь, вырядилась!»

И дальше ты уже совсем иначе идешь. Хоть и солнце то же и улица. Но плечи твои бледны от долгой зимы и сутулы, сидячая же работа. На туфли угрохано ползарплаты, как еще маме сказать. А голубой колокольчик подшит другим материалом, так что очень крутиться нельзя, не забыть бы на танцах.

До девчонок такие штуки больней доходят, чем до парней. А этим приглашенным воинам вообще ништо – у них форма. Только самообладания у девчонок больше на людях.

– Не хотела бы я у нее учиться, – сказала Наташа.

А доцент на кафедре улыбнулась и сделала долгую паузу. Слово бестактность была крупной педагогической находкой и требовалось дополнительное время, чтобы закрепить ее в памяти.

– Тоже типаж, – сказала Наташа. – Вот так за один вечер поднаберемся для целого спектакля.

Доцент отдохнула и продолжала мысль:

– А ведь каждая девушка – это будущая мать. И ее должны уважать не только будущие дети, но и будущие отцы...

Хватит. Юрий беззвучно отодвинул стул, медленно поднялся и медленно пересек сцену наискосок. За кулисами он еще секунду помедлил, даже оглянулся. Хуттер сидел по-прежнему, глядя прямо в зал. Сбоева ничего не заметила и пожирала глазами доцента. Заслуженный артист Витимский проводил Юрия пристальным рачьим взглядом. Можно уходить спокойно: дирекция получит исчерпывающую информацию.

Юрий выскочил в коридор, закурил и стал ждать Наташу. Было бы свинством заставлять ее бегать за ним по всей фабрике.

Наташа появилась, когда зал аккуратно захлопал.

– Перекур? – сказала она. – Не мог подождать, пока кончит. Неудобно же!

– Не мог, – сказал Юрий. – Я ухожу.

– Куда? – не захотела понять Наташа.

– На волю, – уточнил Юрий.

– Глупости. Ты же на работе. Пришел, посидел, ушел – как все просто, я прямо тебе удивляюсь.

– Не зря все-таки посидел, – усмехнулся Юрий. – По крайней мере понял теперь, почему они так скверно шьют.

– Пожалуйста, только без афоризмов, – наконец разозлилась Наташа. – Люди собрались и ждут.

– А я им сейчас дать ничего не могу, – сказал Юрий, чувствуя, что справиться со своим раздражением он уже не в силах, и раздражаясь от этого еще больше. – Понимаешь? Ничего не могу! Я сейчас пустой!

– Понимаю, не можешь. А мы? А я? Ты же всех подводишь!

– Мы не в октябратском звене, – сказал Юрий, зная Наташину правоту и не принимая ее сейчас, стараясь только, чтобы голос его звучал ровно. – И не на канате работаем, парой. Просто ты прочитаешь им Блока и расскажешь о работе над новой ролью. А я не прочту и не расскажу. И все.

– А Хуттеру, думаешь, приятно?

– Не думаю, – сразу устал Юрий.

– Ты с ним после репетиции долго сидел? Я так и не дождалась, хоть в буфет забежать успела. Как он отнесся?

– Нормально, – сказал Юрий. – Он отнесся нормально.

И тут только понял, что этот разговор с Хуттером он не сможет обсудить даже с Наташей. Оказывается, не сможет. Есть вещи, в которых необходимо разобраться совсем одному.

– Вот видишь! – обрадовалась Наташа. – А ты хочешь опять нарваться на неприятность. Думаешь, Хуттер без конца будет с тобой возиться?

Вот этого ей не нужно было говорить.

– Пока, – сказал Юрий.

– Мало тебе Сямозера, – еще сказала Наташа его уходящей спине.

Этого тем более не следовало говорить. И не думала она так.

Он бросил, не оборачиваясь!

– Ага, мне всегда мало...

Наташа еще постояла в коридоре. Потом вернулась на сцену.

На улице шел снег, сыпал в лицо мелкой крошкой. Юрий подставлял снегу все лицо, шею, руки. Снег почему-то не охлаждал, жаркий какой-то снег. Мартовский, весенний уже. Юрий опять перебирал сямозерский день. В подробностях. Нет, все так.

3

Это был рядовой плановый выезд в далекий поселок, за сто сорок с чем-то километров. Таких выездов выпадает штук пять на зимний месяц. И актеры относятся к ним, как к неизбежности. Твоя очередь работать на выезде – и ты едешь. Берешь валенки у соседа, старое пальто, если оно есть, свитер под него, все теплое, что сможешь найти дома, – и готов.

До Сямозера ехали долго, продирались через заносы. А сначала еще ругали шофера, что настоял на слишком ранней отправке. Но уж театральный шофер эти дороги знает! Пока мужчины разгребали сугробы, женщины отплясывали летку-енку среди метели. Петя Бризак бегал вокруг с фотоаппаратом, ему внове. Потом ехали дальше, до следующего заноса.

И в автобусе было, как всегда, душевно и мирно. На длинных летних гастролях обалдеваешь друг от друга, а выехать вместе среди зимы даже приятно. Общая дорога утишает и объединяет. Наташа торжественно обещала всем, что завтра же обязательно купит лыжи. И будет ходить на них каждый день.

«Это же прекрасный тренаж! – говорила Наташа, будто с ней спорили. – Лучше всякой зарядки!»

«Только уж, пожалуйста, без пропусков, – посмеивался Юрий. – Чтобы действительно каждый день».

«Конечно, – уверяла Наташа. – Утром часок пробежимся, до репетиции, и знаешь, как будет работаться!»

«Знаю», – смеялся Юрий.

И все тоже смеялись. Потому что весь театр знал, как трудно Наташа поднимается по утрам. Впрочем, все этим грешат, ложиться-то приходится за полночь.

«А почему бы нам не организовать свою лыжную базу? – сказал предместкома дядя Миша, его все так зовут: „дядя Миша“. – Через местком нажмем, снимем домик себе и будем выезжать на выходной».

Весь автобус нашел, что это прекрасная, перспективная идея. Заслуженный артист Витимский даже вспомнил к случаю, что в молодости он прилично прыгал с трамплина, и ему сразу же предложили вести в театре лыжную секцию.

«В порядке смычки поколений», – прибавила Наташа.

Но даже это замечание Витимский принял тогда без оскорбленности – хорошая была дорога.

Потом все немножко подустали и уже больше глазели в окна, неумоимо оттирая их варежкой. Глазели и обменивались обычными городскими восторгami: очень из этих восторгов видно, как одичали и оскудели мы без природы.

«Посмотрите, какая красота! Заколдованный лес!»

«А елка-то, елка! Горит, как хрусталь!»

«Какой воздух! Я бы всю жизнь в деревне жила – благодать какая! Даже не верится!»

И не хотелось, даже шутя, возражать, что в деревне им всем и месяца не выжить, – такие они все насквозь городские, пожизненно городские.

Юрий обнял Наташу за плечи и тоже расслабленно следил через стекло. Как пробегают мимо хрустальные елки, изумрудные сосны, сказочные березы, как низко плывет волшебное небо и струится дивный снег. И лениво, необязательно думалось, что других слов, своих и незатасканных, у него тоже нет для этих сосен, елок и неба. И он великолепно нем перед этой природой и никому не смог бы передать ее красок, звуков и запахов, даже если бы очень хотел. Даже собственному сыну. Он просто косноязычен и нем. Поэтому он всю жизнь повторяет со сцены чужие слова, даже если они ему не сильно нравятся. Заменить их хочется, но заменить их нечем...

Но мысли эти, в общем не новые, сейчас как-то не портили настроения. Сейчас они проходили легко. Юрий безболезненно их проглатывал и опять ровно дышал в Наташин воротник. Как проглатываешь иногда рыбью кость и она нигде не встает поперек горла. На этот раз не встает.

Наташа даже спросила его тогда:

«Ты что? Заснул? Или думаешь?»

И он ответил:

«Да нет, просто существую...»

Тогда дядя Миша сказал:

«Споем, что ли, помаленьку, чтобы правда не заснуть».

И они спели дружным автобусом свою любимую: «Забота наша такая, мы в десять всегда кончаем». Специально выездную песню. И еще что-то, уже из спектакля. Только Витимский не пел, кутая шарфом шею.

Потом снова был большой занос. Даже сломали лопату. Не успели отъехать, как спустило заднее колесо. Долго меняли камеру. Когда, наконец, тронулись, шофер сказал:

«Все. Последний сезон ишачу. На „Скорую“ перейду. Там хоть смену отбухал – и гуляй. И людям хоть облегчение. А тут возишь взад-назад. Как дрова».

«Да еще сырые», – подмигнул за его спиной дядя Миша.

Но шофер уже распалился.

«И перед каждым обувь сымай, – сказал он, пуская автобус вразнос. – Народный из Ленинграда приехал: пожалте, на репетицию вози его из гостиницы, за три квартала. Гоняй машину! Обратно, с театру, опять вози. Дома небось за папиросами дальше бегают. Заслуженный! Опять ему тарантас!»

«Искусство требует жертв, Василий Антоныч», – сказала Наташа.

«Все. Хватит с меня вашего искусства!» – с отвращением отрубил шофер.

И все почему-то разом скисли. Как будто темный бес внутри каждого только и ждал этого случайного всплеска. Пустого всплеска. Потому что шофер уже пережил в театре трех директоров и штук восемь главрежей. И даже дочь у него училась в культпросветшколе, на театральном. Хуттер недавно выпускал ее в массовке, так шофер с супругой сидели в пятом ряду партера, и он все вытирал лицо огромным, как шерстяной плед, платком. Супруга и в антракте сидела в кресле так же прямо и твердо. А шофер, правда, отлучился в буфет, залпом выпил три бутылки пива, и во втором действии ему было полегче. Никогда он спектакля не смотрел, кроме этого, дочкиного. Потом подошел к Хуттеру и сказал:

«Вам когда чего надо свезть, дак я могу...»

«Поздно уже. Чего же сейчас везти?» – поразился Хуттер такому энтузиазму. Обычно машину можно было только через директора выбить, каждый выезд со скандалом. Шофер всегда пребывал в состоянии отчаянной, боевой обороны – так он понимал свою ответственность за резину, подшипники и карбюратор.

«Нет, – сказал шофер. – Ежели ВАМ, может, надо свезть...»

«А-а-а-а, – засмеялся Хуттер. – Это взятка натурой? А я не понял!...»

Очень он развеселился.

«Вам – дело, а вы – собака бела», – сказал, наконец, шофер и тоже заколыхался. Он не смеялся, а колыхался. Машину любил, как лошадь. И умел заговаривать ей зубы, если дурила. Была в нем основательная, из глубины, привязанность к дому. А домом его был театр. И никогда не уходят такие люди от своего дома.

«Постель тебя забудет, – ворчал шофер уже по инерции. – Каждое лето трухаешь-трухаешь с вами, где попадет...»

«Сейчас опять в общий номер засунут и мужчин и женщин», – сказал заслуженный артист Витимский, кутаясь шарфом.

«С нашей Раисой Матвеевной все возможно...» – поддержала одевальщица Нонна, которая редко кого поддерживала, потому что считала себя в театре непонятой индивидуальностью.

Раиса Матвеевна была выездным администратором: обеспечивала распространение билетов и создавала условия на местах. Но ладить в гостиницах она не умела. Сто раз со всеми переругается до приезда актеров, и условия поэтому доставались обычно самые примитивные. Актеры не любили с ней ездить.

«Вместо того чтобы сосредоточиться перед спектаклем, – сказала Наташа, – опять придется расхлебывать».

«Не волнуйтесь, Наталья Владимировна, – саркастически улыбнулся Витимский, и рачьи глаза его заволокло пронзительной печалью, – в Сямозере сегодня все равно – банный день. Нечего и сосредоточиваться...»

«Нет, там как раз перед получкой», – фыркнул Петя Бризак.

«А правда, она звонила, сколько билетов продано? – спросил у всех дядя Миша. – Кто-нибудь слышал? Может, зря едем?»

Никто ничего не слышал, и все невесело задумались.

«Удивительно: всегда не вовремя!» – сказал Петя.

Юрий уж и забыть успел, когда это было ему удивительно. Привык. Просто есть такие поселки и даже городки, куда театр всегда приезжает не вовремя. И люди вокруг вроде такие милые, интересующиеся. А вот – не вовремя: «Вы бы вчера хоть приехали! А сегодня как раз у Сергуниных свадьба, кто ж к вам пойдет!» Никто и не идет. Пустой зал. От пьесы не зависит, от игры не зависит. Просто нет зрителя. «Вы бы хоть завтра приехали, завтра как раз получка, а сегодня у всех – карманы выверни, кто же пойдет?» А приедешь, предположим, завтра: «Да у нас же сегодня получка! Разве мужиков удержишь? Сейчас только за ними гляди, кто ж к вам пойдет?» Через трое суток после получки тоже плохо: «Шерсть как раз завезли в „промтовары“. А в конце месяца план так горит, что какой театр! В начале, наоборот, нервный спад, нет фронта работ, кто ж к вам?...»

В таких поселках и даже городках спектакль играется как-то торопливо, почти воровски. Актеры стихийно сокращают длинные монологи, адаптируют текст, даже путают привычные реплики. По времени любой спектакль подгоняется почти под кино. Но зрителю все равно трудно. Он грегочет в самых неожиданных местах. Схватывает лишь бытовщину, минуя даже не слишком глубокую философию. «Ага, во он – ейный любовник!», или: «Матку-то, матку-то обозвал, во сын! Ну, сын!»

Даже просто жить несколько дней в таком поселке утомительно. Хотя и в отдельном номере. Хотя какая райская красота кругом. Потому что в таких местах и к актерам внимание чисто бытовое, подглядывающее. Как в щелку. Все замечается и сразу ставится в вину. Взял рюмку в столовой – уже поползло: «Пьет». Собрались вместе после спектакля: «Гуляют! Милицию бы вызвать, чтоб знали!» Сказал, что борщ пересолен: «Капризничают, они такие, артисты!» Пошел в хорошем костюме: «Ишь, вырядился! Люди вкалывают, а эти белым днем...» Пошла в спортивных штанах: «Ни стыда, ни совести, постыдилась бы, вот они, артисты!» Со всех сторон ты обложен, как заяц. А хочется ведь иногда и рюмочку выпить и громко в номере засмеяться.

Будь Юрий на месте... Не совсем ясно даже – на каком. Словом, имей он власть и силу, он бы перетряхнул к черту руководство в таких поселках. Даже если они двести процентов плана дают. Когда вот так принимают театр, это уж первый признак, что крупно неблагополучно с руководством. Есть какая-то червоточина. И людям живется мелко и неинтересно, раз они так коммунально цепляются к мелочам и нелюбопытны в главном.

Есть же у них в области Шишкинский леспромхоз, куда каждый актер готов выехать днем и ночью, даже не в свою очередь. Уж кажется – дырка, дальше некуда, от железной дороги триста километров. Клуб в бывшей церкви. Акустика, правда, великолепная, шепотом можно

говорить, но работать приходится на пяточке, где двое лбами столкнутся. Зато этот клуб всегда полон и у входа еще спрашивают «лишнего билетика». А когда работаешь, на тебя смотрят живые глаза, тебе улыбаются из зала дружелюбные рты, на тебя нацелены раструбом веселые уши. И после спектакля тебя останавливают на улице: «Когда теперь к нам? У-у-у! А раньше нельзя?» И директор леспромхоза, здоровяк в унтах полярника, говорит прощаясь: «Вы мне полплана дали!»

Этот директор в Шишкине и поставил дело. Сразу закупает все билеты, полный сбор. Из каких фондов? Юрий в этом профан. Потом будто бы плотно садится в кабинете, попирая унтами премиальный ковер, ковров он не любит. И начинает вызывать бригадиров: «Скрыпник! Есть, брат, на твоих орлов четыре билета. Да, на спектакль. Хватит – четыре, больше вы не наработали. Вон Семенову восемь, конечно, дам. Заслужил!» И бригадир Скрыпник, который, может, и вовсе ни одного брать не думал – за свои ведь, кровные! – сразу глубоко заглатывает крючок. «Как же так: Семенову, значит, восемь, а мы, значит, хуже? Это еще надо посмотреть!» И вокруг театральных билетов неожиданно распаляются шишкинские страсти. И кому совсем не досталось, тот вдруг чувствует себя оплеванным. Непривычным таким, интеллигентским, методом. Оставили без театра, как девчонку без сладкого. Никому всерьез не расскажешь, даже не напьешься – засмеют. А противно. Глядя на красномордого здоровяка, никак не подумаешь, что он способен на тонкое маневрирование. Танк. Кажется, ему бы только по бездорожью ломить...

«...Да, в Сямозере зал тяжелый...» – сказал дядя Миша.

«...Как на себе тащишь...» – вздохнула артистка Воробьева.

У Дарьи Степановны Воробьевой – замкнутое, сухое лицо с пронзительными чертами. Она даже улыбается скупой, чтоб не было морщин. Шея только выдает возраст, не спрячешь, не загримируешь, для актрисы самое страшное – шея. Дарья Степановна играет на сцене властных старух, женщин Нискавуори, умеющих за себя постоять. В антракте к ней лучше не подходи – так и осадит взглядом, испепелит, она до конца спектакля уже не выходит из роли. И потом еще долго спичку не может чиркнуть: руки дрожат.

А в жизни Дарья Степановна добра и сентиментальна. Плачет, когда перечитывает Жорж Санд. Каждое утро моет подоконник за голубями. Первой здоровается с начинающими актерами и всех без исключения называет «деточка». Иногда – даже Хуттера, когда рабочий азарт достигает предела: «Вы здесь, деточка, не правы. Я эту сцену иначе вижу». С каждой полочки отправляет посылки сестре. У Дарьи Степановны старшая сестра в доме инвалидов, а больше нет никого. Она бы сестру давно к себе забрала, но гастроли! но выезды! но ведь все вечера заняты! а женщину разве найдешь, чтобы ухаживала! чтобы как своя! не найти ни за какие деньги! Поэтому Дарья Степановна хоть отпуск проводит вместе с сестрой. И возвращается всегда заплаканной и постаревшей. Потом берет себя в руки: массаж, обтирания, зарядка; для актрисы самое страшное – шея.

В праздники Дарья Степановна выпивает бокал шампанского и вдруг просит соседа по столу: «Ты меня, деточка, только, пожалуйста, не предавай! Я прямо не переживу, если ты меня предашь!» Посторонние шарахаются. А свои к этому, конечно, готовы и стараются быть рядом. Свои отвечают быстро: «Что вы, Дарья Степановна! Да ни за что на свете!» Тогда Дарья Степановна сразу светлеет и говорит: «Конечно, деточка. Не обращайтесь внимания. Идите танцевать».

Когда-то Дарья Степановна пострадала из-за пустяка, устный жанр, теперь по телевизору хлестче рассказывают. Говорят, там она читала на память Есенина, и уголовники ее берегли за это. Говорят, что в молодости она была сильной, веселой женщиной, а теперь бокал шампанского для нее – предел.

«Одно могу гарантировать, – сказал заслуженный артист Витимский, – если у них в клубе мороз, я работать отказываюсь...»

«Только если не ниже двенадцати, – твердо сказал дядя Миша. – Как на месткоме решили, так и будет».

Это давняя выездная беда – температура. Зрители жмутся друг к другу, в пальто, в шапках, ногами стучат: греются. А актеры расхаживают по сцене в безрукавках и декольте, дрожат за кулисами, собирают синие губы в улыбку, по тексту: «Жарища, как в Африке!», и холодный пар тяжело вываливается из простуженных глоток. Потом не спасешься ни медом, ни двумя одеялами, которые тоже надо еще вымалывать у гостиничного начальства. Потом врачи удивляются, почему у актеров радикулит – почти профессиональная – болезнь. И актрисы не вылезают из консультаций. Об этом на всех месткомках кричат. И директор только руками разводит: мол, клубы далеко, а он один. Недавно очередной раз твердо постановили: ниже двенадцати не работаем.

«Надо же их когда-нибудь проучить», – сказал дядя Миша.

Когда-то дядя Миша был нетерпим и горяч.

В пятьдесят четвертом на торжественном заседании он дал по физиономии режиссеру Трубицыну. Трубицын после спектакля зашел к выпускнице ГИТИСа Аллочке Петровой на чашечку черного кофе и попутно сказал ей: «В новой пьесе я тебя пока что не вижу. Как режиссер. Но если ты не возражаешь, чтоб я остался на этой прелестной тахте до утра, я обещаю пересмотреть свои позиции». Возможно, он изъяснился более поэтично, чем сохранила история. И даже предпринял кое-какие действия, неувенчавшиеся.

Аллочка во втором часу ночи прибежала в театр и ревела на плече у сторожихи. Утром директор потребовал Трубицына. Но тут все сошло довольно гладко, поскольку много говорилось об одаренности и вообще был взят отеческий тон, «как мужчина с мужчиной». Днем Трубицын лениво извинился перед Аллочкой по телефону. Она сказала: «Мне так противно! Такая грязь!» Он сказал: «Грязь? Ну, очищайся». – И повесил трубку. Через час Аллочка Петрова принесла заявление об уходе. А вечером в фойе при свете праздничных люстр и большом скоплении городских мэтров дядя Миша дал Трубицыну по физиономии, сопроводив это категорическим пояснением: «В нашем театре, скотина, постельного режима никогда не было, нет и не будет, понял?!»

Режиссер Трубицын сдачи не дал, хотя физически мог. Поэтому драки, собственно, не было. Но скандал все равно вышел. И долго еще напоминали с трибун, что недопустимо слаба постановка воспитательной работы среди актеров и вообще в коллективе драмтеатра. Дяде Мише вlepили строгача за самоуправство, а Трубицыну все же пришлось уехать, как он ни крутился. Сейчас он главрежем на Сахалине, уже несколько лет. И когда эта фамилия мелькает в газете, старые актеры обязательно тычут дяде Мише: «Гляди, крестник-то живой! Растет! Гордись!» И дядя Миша отпихивается: «А чего? Способный мужик! Он и тогда был способный!» – «Способный!» – подначивают вокруг. – Ты ему хоть открыточку к празднику брось, порадуй крестника!»

Но актеров, которые сами это все помнят, в театре уже немного осталось. Поразъезжались, народ кочевой, чемоданный. Уходит главный режиссер, и актеры снимаются с места. Как птицы. Сразу появляются новые. Вот и за Хуттером восемь новых пришло. И они уже старые за три сезона, свои. А дяде Мише некуда отсюда ехать. Если театр и имеет в городе настоящие корни, так через дядю Мишу: полгорода родственников. У нее второй внук родился. Уже старшая дочь развелась. Уже младший в подъезде целуется и требует, чтоб его называли полным: «Владимир», а на «Вовика» обижается, мозгляк. Куда и зачем тут ехать?

«Надо их проучить», – повторил дядя Миша.

Когда дядя Миша кого-то собирается проучить, у Юрия рот сам собой расплывается к ушам. О, конечно, слышал эту романтическую историю с пощечиной в фойе, но ведь когда это было! И было ли вообще? Дядя Миша, как понимает его Юрий, просто старый добряк. Директор, когда уезжает в командировки, оставляет ему своего фокстерьера: жена не справляется,

больно умен и обидчив. Дяде Мише связками оставляют ключи от квартир на время отпуска. Цветы он там поливает, что ли? Бесшабашные одиночки занимают у дяди Миши перед получкой. Дядя Миша любит играть в преферанс, а это кажется Юрию прожиганием жизни. Хотя актер дядя Миша хороший. Без неожиданностей актер, но крепкий, на сцене с ним рядом спокойно.

«Кого „их“? – сказала Наташа. – Когда полный зал, уже ничего не поделаешь».

«Зритель не виноват», – вздохнула Дарья Степановна.

«Категорически откажусь, – повторил Витимский. – Я этим выездом вообще рискую. У меня горло».

Голос у него действительно как-то сел. И лицо нездоровое, с румянцем. А кому было ехать? Он, заслуженный артист Витимский, в спектакле работает без дублера. У него, слава богу, вообще нет дублеров, на него можно положиться, он театр еще никогда не подводил. И звание он заработал честно, хоть кое-кто и воздержался при голосовании.

«Чего вы торопитесь? – сказал Юрий. – Давайте сначала доедем. Будет день – будет пища».

В Сямозере перед гостиницей стоял огромный рудовоз «татра». Цвета взбесившегося пожара. Задние колеса у «татры» подвижные: можно их чуть внутрь подогнуть, можно скосить наружу. Поэтому «татра» кажется косолапой. И великолепно живой.

Возле громадного колеса лежал, спиной в снег, черный человек с железякой в руках. Он лениво ворочал железякой и лениво зывал в белое небо:

«Коля, куда ты девал моего троста?»

Небо валилось хлопьями. Коли нигде не было.

В прихожей гостиницы молоденькая дежурная рванулась навстречу, разметав счета по столу:

«Мы вас прямо заждались! Вашей тетеньке плохо. Мы уже фельдшера вызывали, а он сам в город уехавши».

Администратор Раиса Матвеевна боком лежала на широкой кровати, прижимая к себе шершавую грелку. За спиной у нее стояли цветные подушки, пять штук.

«С дому я принесла, – стесняясь, пояснила дежурная. – Для ихнего удобства. А белых наволок нет».

Раиса Матвеевна вяло пошевелила губами:

«Печень...»

«Боюсь, что это серьезно», – сказал Витимский, тревожно ощупывая языком собственное горло.

«В клубе я ничего не сделала, – виновато объяснила Раиса Матвеевна. – Вдруг прихватило».

«Надо вас на городскую работу переводить, – сказал дядя Миша. – Поставлю вопрос перед дирекцией».

«А кто будет актеров возить? – вздохнула Раиса Матвеевна, ободранная грелка тоже вздохнула у нее на боку. – Уже сколько ставили. Я отлежусь за ночь. Только уж сами устраивайтесь...»

«Мы всех поселим, лежите себе, – сказала дежурная. – У нас номера есть, простыни новые как раз получили. Только воды нет, труба ночью лопнувши, дак ребята чинят».

«Схожу пока в клуб», – сказал Юрий.

«И я с тобой», – сказала Наташа.

Но до клуба они не дошли, а свернули на соседней улице к магазину «Уцененные товары». В «Уцененке» они всегда покупали драгоценности для спектаклей: театральный реквизит беден, и за каждую серьгу надо бороться. Дешевле свои иметь. Шоу, конечно, этого не предвидел, но его «Миллионерша» выходила на областную сцену в уцененном браслете – рубль два-

дцать три копейки, с уцененным кулоном – рубль одна копейка, благородно сверкая уцененной брошью, стекло натуральное – семьдесят девять копеек.

«А то потом закроют, – сказала Наташа. – Подождешь?»

«Побегу. Уже поздно».

До спектакля осталось меньше двух часов. Надо торопиться.

Двери сямозерского клуба были распахнуты настежь. Крепкая старуха – уборщица в теплом платке и галошах на шерстяной носок, – резво взмахивая тряпкой, домывала пол.

«В клуб войти можно?» – спросил Юрий.

«Грязной водой окачу, дак войдешь».

«А завклубом где?»

«Куда он денется? Дома».

Дом завклубом оказался в другом конце Сямозера. Всю дорогу Юрий искал хоть какую-нибудь афишу, вещавшую о приезде театра, но ни одной ему так и не попало. Только кино себя рекламировало, снег размывал на столбах фиолетовые чернила.

К крыльцу завклубом вела крепкая расчищенная тропа. Кринки торчали на заборе вверх дном. Скрипела мороженная простыня на веревке. Юрий почистил ботинки мохнатым веником и постучал.

«Дверь толкайте!» – крикнули изнутри.

«А я смотрю в окошко: ктой-та идет?» – сказала женщина навстречу Юрию. Над широким лицом ее плоско вился перманент. Глаза были спокойны и дружелюбны. Женщина ела картошку, целиком насаживая ее на вилку. И заедала солеными грибами, вольно черпая их из миски. Вместе с ней жевали и черпали двое мальчишек. Широкоскулых. В плоском перманенте. Значит, просто у них в роду так волосы вьются, некрасиво вьются.

«Садитесь. Закусывайте», – пригласила женщина.

Словно Юрий всегда в этот час закусывал с ней солеными рыжиками. Его отказ заметно удивил всех троих.

«Тогда чего же? – спросила женщина. – Может, чаю?»

«Чаю выпью, – согласился Юрий. – А где хозяин?»

«В сарае возится», – сказала женщина. И ничего больше не добавила. Ни кто, ни что, ни зачем.

Юрий вынужден был сказать сам:

«Мы тут из города приехали...»

«Со спортивного общества?» – чуть оживилась она.

«Нет, из театра...»

«А-а-а, – разочаровалась женщина, и мальчишки заметно разочаровались. – Я думала, с общества, об соревновании. Пашка! – приказала она старшему. – Покличь отца!»

Убежали оба.

Юрий глотал жгучий чай, нутро у него теплело и размягчалось. Он уже пожалел, что так сразу отказался от картошки. Уже хотелось поговорить с этой женщиной. Как они тут живут, давно ли, ездят ли в город и кто к ним сюда ездит. Сказал первое, что подвернулось на язык:

«Грибы сами солили?»

«А то кто же? – удивилась женщина. – Грибов тот год страсть было. С осени ели в охотку, а теперь чуть подаются. Одна я и ем. Сыны нос воротят, надоело. А сам-то какой едун? У него от грибов ижжого. Если б, конечно, свежие! А соленье ему ижжого дает...»

«Тут и ягод, наверно, полно», – перебил Юрий, чтобы как-то свернуть с пищеварительной темы.

«Ягод, конечно, хватает, – согласилась женщина. – Брусника, черника, малина. Малину он может. А бруснику уж так напарю, все одно ему пучит. Две ложки съест, цельную ночь ему пучит...»

«Люблю чернику», – быстро сказал Юрий.

«Кто же ее не любит! – вздохнула женщина. – Черникой, бабы болтают, в городе дизентерию лечат, у него с черники расстройство. С двора не вылазит с черники...»

Юрий ерзал, пряча глаза в стакан.

Она была еще молода. Широкое лицо ее покраснелось. Полные локти надолго улеглись на столе. Тема ее волновала. Это была ее тема. В ней выражала она близость свою и любовь. И хорошее отношение к собеседнику, с которым приятно вот так сидеть, прихлебывать из веселой чашки и беседовать.

«Сколько в деревне живем, всегда у него такой организм».

Затопали по крыльцу. Щелкнула дверь.

Юрий ожидал увидеть впалого упыря. Хлипкое тело, которое только подвязки держат. Но навстречу ему, лишь самую малость прихрамывая, шагнул полновесный брюнет. Рука его была широка и мосласта.

«Заведующий клубом», – официально назвался брюнет.

«У нас администратор заболел, так и я бы хотел узнать...»

«Понятно», – безрадостно кивнул завклубом, дослушав.

«Сколько билетов продано?»

«Я девятнадцать билетов распространил среди населения, – не спеша сообщил завклубом. – Лично занимался этим вопросом».

«А всего сколько?»

«А всего, кажется, двадцать два, – чуть затруднился завклубом. – С кассы, кажется, продали три. Начальник рудника взял, – он загнул на пальцах. – С супругой. Потом еще шофер, Коренев. Холостой. Да, двадцать два...»

«Значит, пустой зал», – ватным голосом сказал Юрий.

«Может, перед началом кто купит, – без надежды сказал завклубом. – С распространением билетов пока что имеем трудности. Население неохотно идет. Вот когда в прошлом году оперетта к нам приезжала, тогда шли, – заметно оживился завклубом. – Как-то веселого хочется после работы. Я, правда, тогда в клубе еще не работал, в милиции работал по своей специальности, но помню, что шли. Даже билеты ограничивали, через организации...»

«Понятно», – сказал теперь Юрий.

«Вы б там сказали, в городе, – поддержала женщина, красиво прибирая со стола, – чтоб оперетту прислали. Тоже ж тут живут люди, и людям охота».

«Скажу», – пообещал Юрий, влезая в пальто.

«На месте все выясним», – сказал завклубом.

Он переобулся валенками, белые надел, выходные. И они снова пошли через все Сямозеро. Уже свет горел в домах и на улице. Еще похолодало. Над фонарями, пронзительно вверх, стояли тугие, морозные столбы света. Казалось, что их можно резать ножом – такие тугие. На вторых этажах щелкали форточки: сетки с продуктами, которые весь день болтались за окном, исчезали в глубине комнат. Кончался рабочий день, хозяйки готовили ужин.

«Так-то я все организовал: уборку, стулья. Проследил лично. Дрова завезли, сухие...»

«Градусник есть?» – спросил Юрий.

«Что?» – не понял завклубом.

«Градусник. Ну, термометр...»

«Найдем, – заверил завклубом. – Да чего мерить? Нормальная температура. Жилая. Топим. Сильно не рекомендуют топить: возможен угар, печки старые. Но подходящая температура».

В фойе клуба сидела местная кассирша, разложив на скамье ленты билетов. Ленты были длинные и разного цвета – от яростно-синего до блекло-голубого, почти серого. Кассирша рас-

кладывала их как карточки лото, добиваясь, по-видимому, ей одной ясного художественного эффекта.

Она обрадовалась живым людям.

«Десять билетов продала, – похвалилась кассирша. – В управлении. Да еще племяшке. Чего девке дома сидеть?»

«Значит, тридцать два?» – уточнил Юрий.

«Тридцать два всего», – подтвердила кассирша.

«Уже неплохо?» – вопросительно сказал завклубом.

Юрий вошел в зал. Зал он помнил, летом здесь были. Сцена ничего, работать можно. Звук, правда, застревает в середине зала и до последних рядов добирается с трудом. Но об этом можно не волноваться: тридцать два – не двести. Круглые печи топились вовсю, даже мимо проходить душно. Зато уже в трех шагах было свежо. Руки мерзнут. Хоть и после улицы. Окна изнутри приметно заросли наледью.

«Интересный узор», – кивнул на окна Юрий.

«Разрисовало! – охотно засмеялся завклубом, наконец разглядев в Юрии понимающего человека и уже не скрываясь. – Разве такую махину этой пузой натопишь, – он ткнул круглую печку валенком и мгновенно отдернул ногу. – Только для вас стараемся. Перевод дров!»

Юрий поднялся на сцену. Постоял. Прошелся.

Градусник долго не могли отыскать. Или не хотели. Наконец завклубом принес его и молча передал Юрию.

Градусник показал на сцене плюс шесть.

«В зале побольше, – сказал завклубом. – Еще нагреется.

«Градуса два-три набежит, – подтвердила кассирша. – Больше – навряд, через окна выносит, а два-три, бог даст, набежит».

«Остальное – надышат, – бодро сказал завклубом. – Все равно же не раздеваться, у нас и вешалки нет. А население привычное. Пересидят. Хлопать будут сильнее – нагреются».

«А мы как же?» – поинтересовался Юрий.

Завклубом на секунду смутился, но тут же нашел выход:

«Если потом горячего внутрь, ничего. Тут главное – сразу пропустить, не дать остыть организму».

«Не дадим остыть», – сказал Юрий.

«С собой есть?» – понимающе прищурился завклубом.

«Деньги за билеты нужно вернуть. Вы уж возьмите, пожалуйста, на себя», – попросил Юрий кассиршу.

«Как – вернуть? – ахнула та. – Зачем же?»

«Потому что спектакля у вас сегодня не будет...»

«Это кто же принял такое решение?» – сказал завклубом.

«Я принял», – сказал Юрий.

«Вас никто не уполномочивал, – сказал тертый завклубом. – Мы еще поглядим, что скажут другие товарищи артисты».

До гостиницы дошли молча. Перед ней по-прежнему стояла «татра», пламенея под снегом.

Черный человек теперь рылся в моторе. Будто на ощупь искал в набитом чемодане зубную щетку. Он покосился на толстый скрип валенок и спросил без раздражения:

«Коля, куда ты девал троста?» – Интонация в точности повторялась. Будто Юрий и не ходил полтора часа. Будто черный человек забыл все, кроме вечной проблемы троста.

Наташа собиралась к спектаклю. Сказала, как главное:

«Тебе там воды оставили. Давай полью...»

Разглядела брюнета за Юрием, в коридоре.

«Что? Поклонник большого искусства?»

Когда все собрались в номере, Юрий доложил:

«Тридцать два билета и на сцене – шесть».

«Я категорически! Безобразия! У меня горло!»

«Ага, – сказал Юрий, припечатывая взглядом завклубом. – Все уже сделано. Деньги кассирша вернет. Только ночевать придется. Второй конец не осилить. И Раиса Матвеевна до утра отлежится...»

Он еще говорил, но уже кожей чувствовал, как во сне. Будто ведешь решающий монолог в полном зале, и вдруг люди начинают беззвучно вставать и медленно растекаться в тысячи дверей, сквозь стены, просто истаявать в воздухе. Уже кричишь, а они все равно растворяются. Исчезают. И уже хватаешь ртом воздух. И задыхаешься в одиночестве.

«Утром пораньше выедем и к обеду будем дома», – закончил Юрий уже в пустоте. Хотя никто никуда не вышел. И даже не переменил позы.

Тишина длилась долго.

«Может, в театр позвонить?» – сказала, наконец, Наташа.

«Теплее от этого не станет», – усмехнулся Юрий.

«Некогда уже звонить», – сказал дядя Миша.

«Мы вообще-то все подготовили: уборка, стулья, билеты распространили среди населения, – опять перечислил завклубом. – Печки надо было, конечно, пораньше затопить. Тут я лично недоглядел, признаю. Но еще нагреется! К нам театр редко ездит, недоглядел. А люди, конечно, соберутся...»

Опять все молчали. Но было в этом молчании нечто обнадеживающее. И завклубом закончил решительно:

«В другой раз мы, конечно, предусмотрим. Учтем. А сегодня, по-моему, товарищи артисты, мы все проявим сознательность».

«Вы уже проявили», – прервал Юрий.

«Юрий Павлович, безусловно, прав, – сказал дядя Миша. – Работать в таких условиях прямо-таки нельзя. Надо же с этим когда-то покончить. Я так считаю: сегодня, видно, уже придется все-таки отыграть, раз приехали, а в городе жестко поставим вопрос перед дирекцией. И перед управлением культуры, если нужно».

«Придется уж», – вздохнула Дарья Степановна.

«Да почему же придется?» – сказал Юрий по возможности спокойно.

«Потому, деточка, – объяснила она, – что потом не расхлебашь. Вы молодой, а я знаю».

«Я совершеннолетний, мне тридцать четыре. Я тоже знаю».

«Вот я и говорю: молодой».

«Сыграем, чего там...» – сказал свое слово Петя Бризак. Ему тут все в новинку, и спор этот вокруг спектакля ему просто претит: приехал, отработали – и обратно, – вот как он понимает жизнь.

«Уж я знаю. Скажут, срываем план. Комиссию создадут. Ходи объясняй. Им в городе не дуется».

«У меня весь второй акт в сарафанчике, – поежилась Наташа. – Но вообще-то можно, конечно. Перетерплю».

«Кофточку сверху накинь», – посоветовал дядя Миша.

«Придется», – сказала Наташа.

«Только предупреждаю: в последний раз, – сказал вдруг Витимский. В нем-то уж Юрий был уверен, как в себе. – Пора все-таки объяснить кой-кому, что актеры тоже люди».

«Объясним», – веско сказал дядя Миша.

«Я еще никогда не подводил, если театру нужно. Но прямо предупреждаю: чтобы в последний раз, и категорически!»

«А горло?» – напомнил Юрий.

«Настоящие актеры даже умирают посреди спектакля», – улыбнулся заслуженный артист. Голос был больной, а улыбка пышно-торжественной.

Глупо мешать человеку чувствовать себя героем. Тем более если идет игра на публику. Витимский явно работал сейчас на заведующего клубом, бессознательно грезя о резонансе. Хотя бы районного масштаба.

«Хватит, опоздаем», – сказал Петя Бризак.

«Мне еще с прической возня, – вздохнула Дарья Степановна. – Раньше парикмахеры были в театре – боги! А теперь чего сам наделаешь с головой, то и ладно...»

«Решено, – подытожил дядя Миша. – Сегодня отыграем, а уж потом пусть дирекция думает».

«Вы как хотите, – сказал Юрий. – А я сегодня работать не буду».

«Это несерьезно, Юрий Павлыч», – улыбнулся дядя Миша.

«Не надо, Мазини, ладно!» – сказала Наташа.

«Наоборот, надо. По-моему, пора».

«Выходит, что мы все...» – обиделся Витимский.

Прежде всего почему-то они обиделись. Как будто Юрий для себя что-то выгадал, ущемив всех остальных.

«Ничего не выходит», – сказал он.

Тягостный получился вечер. Разговаривать сразу не о чем. Вроде не о чем, каждый сам в себе переваривает и сторонится другого. Даже сидеть в номере всем вместе трудно. А выйдешь на люди – того хуже. Идешь по коридору и чувствуешь каждый палец в ботинке. И вроде пиджак на тебе не так. И галстук косо. Как на сцене в момент блистательного провала. Даже молоденькая дежурная глядит на тебя осуждающе. А командировочные оборачиваются вслед: «Вот он! Этот! Испугался, видите ли, низких температур! Лишил любознательных сям-озерцев единственной культурной радости!» Может, никто и не смотрит. А кажется. Действительно, ведь лишил. Но когда-нибудь надо было решиться.

Свои же и надулись. Себя же и наказал. Сто сорок километров – сюда, сто сорок – обратно. Прогулочка. Как раз чтоб измерить температуру в клубе. В другой раз они, конечно, натопят. Но сейчас не легче от этого. Даже если прав.

Словом, когда на следующий день возвращались в город, песен в автобусе не было. Юрий даже сначала уселся один на задней скамье, демонстративно. Потом уж Наташа к нему пересела.

«Теперь жди крупного разговора», – вздохнула Наташа.

4

Юрий остановился и стряхнул снег с лица. Налепило. Пока разбирался с этой историей, ноги бесконтрольно несли сами. От швейной фабрики они его далеко унесли. Но ничем новым не удивили, скучные ночи. Принесли, конечно, в знакомый двор. Ленин звонок засел в памяти смутной тревогой.

Все вечно и неизбежно. В высокой коляске спит незамерзаемый грудник. Откуда-то сверху тонко сочится обязательное: «Если друг оказался вдруг». Пять серых этажей, сломанных под углом, скучно обжимают двор. Ничто здесь не изменилось со вчерашнего вечера. Только каток перед первым подъездом стал еще шире и, возможно, прибавится еще один перелом. К двум, которые уже были. Тогда каток, безусловно, засыплют песком. Девчонка в искусственной шубке цвета горячих потрохов, тащит ведро на помойку. Помойка тоже на месте. И ржавый частный гараж, запертый до весны тремя замками. Девчонка высыпала из ведра, стукнула по дну и пробежала обратно. Юрий проводил ее взглядом. Да, цвет оглушительный. Рядом с такой шубкой он бы нипочем не пошел, у Борьки просто нет вкуса. Вернее, он, как и Лена, сразу цепляется за существо вещи, форма для них не имеет значения.

Эту девчонку Юрий несколько раз видел с Борькой. Они вместе возвращались из школы, Борька, пыхтя, тащил два портфеля и что-то умное говорил, заглядывая девчонке в лицо. Для этого он все неловко забегал вперед и даже вставал на цыпочки: девчонка почти на голову выше Борьки. Борька что-то совсем не растет, тоже в Лену. Девчонка смешно нагибалась к Борьке и скалила неровные зубы.

Насколько мог уловить Юрий, Борька дружил больше всего с этой девчонкой и еще с одним парнем из соседнего дома. Парня этого Юрий даже как-то застал у Борьки. У него было маленькое выпуклое лицо, слишком твердое для пятиклассника. Определившееся какое-то, – отметил тогда Юрий. И сразу захотелось разговаривать этого парня. Но тот отвечал неохотно и удрал уже через несколько минут, оставив в душе Юрия смутную тревогу.

«Кто это?» – спросил он по возможности небрежно.

«Вовчик Сорокин», – сказал Борька с явным задиром.

«Что? Хороший малый?»

«Вовчик?!» – переспросил Борька таким тоном, что Юрий сразу понял, как безнадежно далеко ему до этого Вовчика.

Они долго и разобщенно молчали. От такого молчания рядом с Борькой Юрий уставал больше, чем от неожиданного прогона целого спектакля перед московской комиссией. Он только старался, чтобы Борька не заметил, как тяжело ему так молчать.

Борька тогда все-таки не выдержал и прямо спросил:

«Он тебе не понравился?»

«Почему? – уклонился Юрий. – Я его просто не знаю».

И тут же пожалел, что не покривил душой. Уже через пять минут он понял, что своим ответом резко углубил неприметную трещину между собой и сыном. Впрочем, тогда он еще делал вид, во всяком случае перед Леной, что никакой трещины нет.

А ведь еще прошлой весной Борька запросто забегал к Юрию в театр и даже обижался: «Ты почему вчера на классное собрание не пришел?» – «У меня же днем репетиция, ты же знаешь. Мама ходила?» – «Ага, – Борька небрежно кивал на „мама“. – Я же хотел, чтобы ты пришел». – «Не все ли равно?» – говорил Юрий. Он был тогда спокоен за себя с Борькой и даже лениво гордился сам перед собой, как ладно все у него сложилось: сына он не потерял, они в одном городе, просто квартиры разные, и никаких трагедий. Страшно даже подумать, что Хуттер мог получить другой театр, и тогда Юрий сюда не приехал бы. «Совсем не все равно!» – обижался Борька. А Юрий делал тогда вид, что не понимает, и очень скрывал, как ему приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.